

Ф. В. Николаи^{ab}

<https://orcid.org/0000-0002-8876-9441>
✉ fvnik@list.ru

^a *Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва)*

^b *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)*

«ЛЕНИН УМЕЛ МЕЧТАТЬ»: ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК И НАРРАТИВНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ПАМЯТИ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ

Рецензия на: *Веселкова Н. В., Граматчикова Н. Б., Енина Л. В., Прямикова Е. В. Мечты и память: нарративные ландшафты небольшого советского города / [М-во науки и высш. образования РФ; Уральский федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина]. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2022. 330 с.*

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: *Николаи Ф. В. «Ленин умел мечтать»: темпоральный порядок и нарративные ландшафты памяти о советском прошлом // Шаги/Steps. Т. 11. № 1. 2025. С. 364–374.*

Поступило 21 августа 2024 г.; принято 20 января

Ф. V. Nikolai^{ab}

<https://orcid.org/0000-0002-8876-9441>
✉ fvnik@list.ru

^a *Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow)*

^b *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)*

“LENIN KNEW HOW TO DREAM”: TEMPORAL SEQUENCE AND NARRATIVE LANDSCAPES OF MEMORY OF THE SOVIET PAST

A review of: *Veselkova, N. V., Gramatchikova, N. B., Enina, L. V., & Priamikova E. V. (2022). Mechty i pamiat': narrativnye landshafty nebol'shogo sovetskogo goroda [Dreams and memories: narrative landscapes of a small Soviet city]. Kabinetnyi uchenyi. (In Russian).*

Acknowledgements. The article is a part of the RANEPА state assignment research programme.

To cite this review: Nikolai, F. V. (2025). “Lenin knew how to dream”: Temporal sequence and narrative landscapes of memory of the Soviet past. *Shagi / Steps*, 11(1), 364–374. (In Russian).

Received August 21, 2024; accepted January 20, 2025

Темпоральный поворот, который активно обсуждается сегодня как в российской [Олейников 2021; Ионов 2021], так и в западной историографии [Ranciere 2022; Артог 2021; Ассман 2017], предполагает отказ от линейного понимания времени и проблематизацию отношений между прошлым, настоящим и будущим. Однако пока эти дискуссии крайне редко выходят за рамки теории истории и остаются минимально востребованы в антропологии и социальных исследованиях, во всяком случае в России¹. На этом фоне крайне интересным выглядит обращение к данной проблематике авторов рецензируемой монографии, посвященной анализу специфики темпоральных установок позднего СССР и памяти о прошлом в современной России.

Авторы книги анализируют социологические интервью, сравнивают публикации местной и центральной прессы, городской фольклор, а также «отложившиеся в музейных и архивных фондах “следопытские” и иные материалы» (с. 9), фиксирующие мечты и память о прошлом жителей небольших уральских городов. Напомним, что Р. Козеллек считал спецификой эпохи модерна конструирование современности (настоящего) на пересечении удаляющихся друг от друга опыта и ожиданий, фиксирующих «тайную связь между прошлым и будущим». Цитируя Новалиса, он писал: «Лишь когда появляется способность наблюдать целый ряд событий и уже не принимать все буквально, но вместе с тем и не путать их, лишь “тогда начинаешь замечать тайное сплетение минувшего и грядущего, тогда начинаешь строить историю из надежды и воспоминаний”» (разрядка моя) [Козеллек 2016: 152]. С этой точки зрения настоящее время в позднем СССР оказывалось на пересечении между памятью о революции (главном событии прошлого) и ожиданиями светлого коммунистического будущего. А проблемы эпохи застоя были связаны не столько с экономикой, сколько с изменениями баланса между пространством опыта и горизонтом ожиданий. С середины 1970-х годов революционное прошлое все более превращалось в пыльную музейную экспозицию, столь же слабо связанную с настоящим, как и отвлеченные образы коммунистического будущего, ставшего абстрактной утопией.

Ситуацию в современной России можно вслед за З. Бауманом охарактеризовать как ретротопию — идеализацию прошлого (ориен-

¹В качестве редких исключений см.: [Ссорин-Чайков 2021; Николаи, Маслов 2024].

тированного не на Великую Октябрьскую революцию, но на Великую Отечественную войну), стабильность которого служит терапевтическим противовесом вызывающей опасения неопределенности будущего. Но складывается такая ретротопия не в 2000-е годы, а гораздо раньше. «В течение 1970–1980-х гг. образ будущего утрачивает свойства темпоральной доминанты, и эта роль переходит к прошлому. Причинами выдвижения прошлого становится не только то, что выдыхается потенциал советской идеологии, но и то, что в этот период распадается модерное видение будущего, характерное для западноевропейского мира. Советский мир, в том числе небольшие города на Урале, не был закрыт от общемировых процессов, но в советском обществе сложились специфические практики осмысления именно военного прошлого как важнейшего ресурса для будущего» (с. 297–298). Самое интересное в рецензируемой книге — это проблематизация причин перехода между советским и постсоветским темпоральными режимами. Вопрос об отличии этих режимов представляется сегодня крайне актуальным в связи с масштабной ностальгией по эпохе 1950–1970-х годов и активным ее использованием в политике памяти самых разных стран (включая Россию) [Boele et al. 2020; Липовецкий, Михайлова 2021].

Первый раздел книги посвящен обоснованию концептуальных рамок исследования. Здесь авторы вводят понятие нарративного ландшафта (к которому мы вернемся чуть позже). Второй и третий разделы посвящены специфике памяти жителей небольших уральских городов. Они включают несколько ярких сюжетов.

Прежде всего воспоминания о коллективном энтузиазме периода оттепели, который проявлялся и в работе, и в различных общественных инициативах (от следопытского движения до туризма и спорта), и мотивировал появление в 1960-е годы проектов Бориса Грушина и самой советской социологии. Важно подчеркнуть, что этот энтузиазм (как показывают и другие исследователи²) находился на стыке государственной политики мобилизации «сверху» и низовых инициатив. «Оттепельной атмосфере и востребованной сверху и снизу поколенческой проблематике как нельзя лучше соответствовало и следопытское движение. <...> Легко предположить, что маршруты следопытов повторяли официальные путеводители и краеведческие издания, однако это не так: зачастую путеводители как раз и составлялись по опыту таких походов, а из собранных следопытами материалов вырастали новые музеи (в основном в школах, ПТУ и техникумах) и пополнялись существующие (краеведческие)» (с. 107–108). Авторы убедительно показывают гибридный характер активности «красных следопытов», в которой официальные рамки памяти о революции легко сочетались с туризмом как романтической формой организации повседневного отдыха. Нарративный ландшафт памяти при этом достаточно гибко соединял реальные локации важных событий прошлого (Гражданской войны) с современной местной географией (индустриальной инфраструктурой и ро-

² Например, Ирина Каспэ в своем анализе литературной жизни периода оттепели и ее преломлении в журнале «Юность» [Каспэ 2018].

мантическими природными локациями) и воображаемыми пространствами будущихстроек и городов.

В этом контексте трансформации памяти авторы книги подробно рассматривают, как в 1960-е годы менялся статус фронтовиков Великой Отечественной войны, которые еще не считались ветеранами (этот термин относился только к революции и Гражданской войне). Рост их социального статуса был связан с растущей активностью и обозначением профессиональной трудовой занятости. «В коллективе 121-го цеха мотозавода работает отличный специалист, мастер своего дела слесарь-сборщик Е. П. Колесников. Он воевал в Великую Отечественную, храбро защищал Родину. Е. П. Колесников является ударником коммунистического труда [Добрынина Л. Неделя боевой славы // Восход. 1978. 22 февраля. № 30. С. 1]» (с. 95). Социальная идентичность здесь конструируется в три шага: через прошлое (участие в Великой Отечественной войне), успешное настоящее («ударник коммунистического труда») и обозначение будущих перспектив — признание социальной ценности опыта, который должен быть передан подрастающему поколению.

Однако героический нарратив памяти о Великой Отечественной войне не просто занял место революционного. В 1970-е годы гибридизация мемориальных нарративов привела к их расслоению и частичной «приватизации». Яркой иллюстрацией этого процесса представляется «приватизация праздников» в 1960–1980-е годы, которую авторы книги рассматривают на материале многочисленных интервью и публикаций в СМИ. Если в 1960–1970-е годы ключевую роль в государственном календаре играли 1 Мая и 7 Ноября — соответственно годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и День международной солидарности трудящихся, то в 1970–1980-е растет значимость 9 Мая и Нового года — не только официальных, но и семейных праздников, оказывающихся на стыке приватной и публичной сферы. Этот сюжет особенно важен в контексте истории «оттепельного» энтузиазма и общих темпоральных установок позднего СССР: «На протяжении всей книги мы говорим о трансформации темпорального порядка от “оптимистичных” 1960-х гг. к все более теряющим очертания будущего 1970-м и 1980-м гг., и именно в такой тональности советские праздники предстают в рассказах информантов» (с. 148).

Одним из самых ярких в книге представляется параграф, посвященный современной ностальгии и ее пространственному измерению — «топологии». Как и во многих других работах³, здесь важен тезис о критике деиндустриализации 1990–2000-х годов, особенно болезненно сказавшейся на небольших моногородах. «В большинстве своем они либо потеряли градообразующие предприятия и учреждения, либо сохранили их в сильно усеченном виде, поэтому господствующий лейтмотив здесь — сожалеющая (об утратах достигнутого) ностальгия, тем сильнее заметная, чем больше свернуты производства. Сожалеющую риторику дополняет

³ Например, см.: [Долгов 2023].

прославляющая (былые достижения) нить повествования» (с. 140). Важно, что такая интерпретация ностальгии предполагает активность респондентов, вынужденных как-то согласовывать противоречащие друг другу идеализирующий и критический модусы воспоминаний. И эта ностальгия строится не как метонимические отсылки к вещам и отдельным образам прошлого, но как поиск наиболее сильных метафор для выражения ценностей, смыслов и представлений о свободе.

В посвященных памяти главах много и других интересных сюжетов и ценных наблюдений. Однако самым ярким и важным в рецензируемой книге представляется четвертый раздел — «Обращаясь к будущему: курсы мечты», — который посвящен анализу представлений о будущем и характеристике темпорального порядка позднесоветского общества в целом. Авторы книги делают акцент на понятии мечты, которое гораздо реже обсуждается в современных социальных и культурных исследованиях, чем утопия, счастье, «цели и планы, которые уступают мечте по критерию “искренности” и, вероятно, в целом по эмоциональной заряженности» (с. 24). С этой точки зрения в эпоху оттепели мечта становится интернализацией активно пропагандируемого энтузиазма. Она наполняет личными эмоциями нормативные социальные установки и ожидания, оказывается на стыке приватного и публичного, социально-нормативного и воображаемого, которое устремлено в будущее, но имеет и массу отсылок к прошлому, включая официальную память о революции: «Теперь едва ли не любое обращение к фигуре Ленина неизбежно включает его мечты: “Ленин умел мечтать. Мы — свидетели осуществления его мечты. <...> Так пусть же живет с нами самая смелая мечта о будущем. Мы знаем — ей суждено осуществиться. Нам надо мечтать [Надо мечтать! // На смену! 1961. 22 апреля. № 80. С. 3]» (с. 240). Но если в 1960-е годы эти романтические мечтания и оптимизм однозначно преобладали, то в 1970-е вера в светлое будущее истончается, а прагматика повышения личного благополучия усиливается. В 1980-е «стабильная, понятная жизнь позднесоветского времени едва ли не упразднила сам феномен мечты, как следует из слов представительницы Красноуфимска: “Не о чем было мечтать, жили и все”» (с. 285). Как можно объяснить эти принципиальные изменения, во многом предопределившие кризис и распад советского общества?

Для Ирины Каспэ причины этого кризиса связаны с внутренними противоречиями советской утопии как дискурсивной структуры, блокирующей субъектность и лишаящей людей агентности [Каспэ 2018]. Если прогресс неизбежен и коммунизм наступит в любом случае, то энтузиазм вовсе не обязателен — можно просто ждать наступления будущего и мечтать о нем. Алексей Юрчак в своей знаменитой книге «Это было навсегда, пока не кончилось», наоборот, настаивает на перформативности усилий последнего советского поколения, которое привыкло к расхождению авторитетного дискурса и неформальных интересов [Юрчак 2014]. Из связанных с этими интересами практик и вырос мир поздней и постсоветской приватности. Илья Кукулин связывает изменения темпоральных устано-

вок и рост ностальгии уже в позднесоветском обществе с изменениями идеологии [Kukulin 2020].

Авторы рецензируемой книги объясняют эти изменения через понятие темпорального порядка, понимаемого как «разновидность социального порядка в логике Макса Вебера: такое содержание социальных отношений, когда поведение (в среднем и приближенно) ориентируется на отчетливо измеряемые максимы» (с. 218). С этой точки зрения распад позднесоветской модерности можно рассматривать как часть разочарования в прежних гранд-нарративах (включая советскую версию марксизма) и становления презентизма. «Темпоральный порядок устремленных в будущее шестидесятых существенно меняется в течение 1970–1980-х гг.: образ будущего несет смысловые потери, размывается и мельчает, в итоге оно утрачивает свойства темпоральной доминанты, эта роль переходит к прошлому» (с. 235). И девальвация мечты в воспоминаниях информантов, интервью с которыми анализируются в книге, оказывается одним из наиболее зримых симптомов кризиса социального порядка модерна и его темпоральных установок (устремленности в будущее).

Важным проводником этих изменений становится «приватизация» официальных нарративов, попытка использовать их отдельные элементы (клише) в своих прагматических целях. По отношению к мечтам и представлениям о будущем и политика, и культура периода оттепели предлагали людям масштабные и узнаваемые сюжеты, фрагменты которых можно было легко повторять, комбинировать между собой и «примерять» на свою жизнь. Это были нарративы технического прогресса («космос как предчувствие») и романтика путешествий по огромным пространствам прекрасной и необъятной Родины (а в будущем — по далеким галактикам и необъятной Вселенной). Такие «сверхвысокие» и напрямую связанные с официальной риторикой нарративы легко ложились на биографический опыт и послевоенную повседневность «славного тридцатилетия», когда уровень жизни в советском обществе и в странах Запада рос достаточно высокими темпами.

В 1970-е годы гораздо большую роль начинают играть нарративы среднего уровня — «мечты-ориентиры жизненного пути, предусматривающие достижение статусов в рамках социального расписания, включая профессиональную самореализацию и семью», а в 1980-е с их экономическими проблемами — «потребительские мечты — как в сфере культурного потребления (дефицитные книги, пластинки и т. п.), так и материального (джинсы и т. п.)» (с. 243). Прагматика социальной самореализации была очень важна для советского общества и позволяла многим горожанам использовать прославляющий пролетариат официальный нарратив для повышения своего приватного благополучия. При этом менялись и темпоральные практики: акцент переносился на повторяемость действий, городских праздников, спортивных соревнований, туристических поездок и годовых отчетов. «В 1970-е гг. смыслы будущего фрагментируются на отрезки времени до определенной праздничной (юбилейной) даты» (с. 233). Значительная часть этих фрагментарных нарративов оказалась

связана со спортом, который в обществах модерна (включая советское) становится важным социальным лифтом. В 1970-е годы спорт не просто стал массовым — была создана его развитая инфраструктура: футбольные и хоккейные площадки во дворах, районные стадионы и дворцы спорта, заводские и центральные стадионы. К сожалению, авторы книги мало говорят о структуре и собственно топологии этого нарратива: насколько отличаются в воспоминаниях респондентов эти локации, в какую иерархию они выстраиваются, какие фрагменты воспоминаний становятся при этом определяющим фактором.

В 1980-е годы в позднесоветском обществе окончательно побеждают «потребительские мечтания». Весьма показателен фрагмент одного из групповых интервью, которое анализируют авторы книги: «“Было настолько трудно что-то достать в советское время, что хотели чего-то, и я трое суток просидела возле мебельного магазина, чтоб купить стенку. <...> Я просто мечтала” (КчЖ72). Первоначально другие участники группового интервью неодобрительно отреагировали на высказывание про стенку, но потом почти все дружно присоединились, вспоминая как уже в годы перестройки приходилось распределять 5 женских трусов на 200 с лишним работников цеха» (с. 279). Важно отметить, что похожие истории нашлись у всех участников обсуждения. Однако эти рассказы занимают в их воспоминаниях подчиненное положение — это эпизодические нарративы, которые не выводятся рассказчиками на передний план. Наверное, в этом есть и идеологический момент. Но кроме него здесь видна (полу)осознанная активность самих информантов, для которых важны представления о солидарности. Схожая проблема поднимается в критических исследованиях счастья: слово «солидарность» практически не встречается в словаре современных СМИ и повседневном словоупотреблении, но это не значит, что на полусознанном уровне эти ценности не важны для участников интервью [Hill et al. 2020].

Акцент авторов книги на нарративы мечты и нарративный ландшафт памяти представляется очень продуктивным и хорошо согласуется с современной теоретической полемикой о темпоральности. Однако между этими теоретическими обобщениями и ярким эмпирическим материалом иногда не хватает выводов среднего уровня. Прежде всего, не очень ясны различия между понятием «темпоральный режим» Ф. Артога и вводимым авторами термином «темпоральный порядок», а также отношения «темпорального порядка» и «нарративного ландшафта» — понятий, которые вводятся в первом разделе монографии. Сам анализ нарративов памяти и мечты в книге представляется очень продуктивным: в перспективе он может помочь согласовать между собой концепцию «мест памяти» П. Нора (весьма востребованную в современной историографии) и исследования культурного наследия, которые широко обсуждаются в последние годы в антропологии и культурологии [Harrison et al. 2023; Smith 2021; Колесник, Русанов 2022]. Ведь между этими концепциями помимо важных общих моментов есть и принципиальное различие: П. Нора делает акцент на па-

мнати нации и государственной политике памяти, а дискуссии о культурном наследии — на негосударственных низовых практиках коммеморации. Попытка соотнести их вполне работает в книге на уровне эмпирического материала (включая сравнение интервью и публикаций в СМИ), но не завершается прямыми теоретическими обобщениями.

Еще одной важной проблемой представляется минимальное внимание авторов к различию памяти поколений. Можно предположить, что воспоминания и мечты «поколения бумеров», которые становятся основными собеседниками авторов книги, существенно отличаются от воспоминаний и установок «поколения X». Известный американский социолог Р. Инглхарт [2020] убедительно доказывает, что установки и ценности поколений не меняются со временем. Поэтому можно предположить, что в воспоминаниях «бумеров» до сих пор сохраняется характерное для 1970-х расслоение частных практик и официальных нарративов, которые существуют и переплетаются, хотя и явно противоречат друг другу. А представители «поколения X», чья молодость пришлась на период кризиса прежних нарративов, и говорят меньше, и гораздо больше делают акцент на прагматику личных интересов в духе 1980–1990-х⁴. Кроме того, собеседниками авторов книги выступали в основном городские активисты, музейщики и краеведы — представители достаточно образованной и рефлексизирующей части своего поколения. Однако трудно сказать, насколько их мечты и воспоминания об энтузиазме периода оттепели совпадают с представлениями рабочих или сельских жителей, не получивших высшего образования. Вероятно, различия между этими группами респондентов будут важны для картографии нарративного ландшафта памяти и характеристики темпорального порядка позднесоветского общества в целом.

Возможно, эти вопросы будут рассмотрены в следующих проектах авторского коллектива. Основные выводы авторов книги представляются вполне обоснованными. Изменения господствующих нарративов и рамок памяти в 1950–1980-е годы вели к снижению активности и энтузиазма значительной части общества. Подчеркнем, что ключевую роль в этом играла не столько официальная идеология или политика сверху, сколько комплекс практик упорядочивания времени — его дробление на небольшие отрезки в настоящем (сезонные и ежегодные городские соревнования, поездки в отпуск, квартальные и годовые отчеты и т. д.), которыми легко управлять. Но создавать что-то новое — будущее, которое принципиально отличается от настоящего, — оказывалось в этих условиях все сложнее. Поэтому эпоха застоя стала следствием не просто замедления темпов экономического развития, но изменений всего социального времени.

Понимание этих процессов крайне важно сегодня, поскольку противоречия современного темпорального режима, сформировавшегося как раз в 1970–1980-е годы, сохраняются и провоцируют все больше разочарова-

---

⁴ Возможно, именно в этом контексте у миллениалов и «поколения Z» растет запрос на «новую искренность», которая так активно обсуждается в современных социальных медиа [Руттен 2022].

ния, усталости и переходящего в агрессию ressentiment. Многочисленные претензии к презентистскому темпоральному режиму и неолиберальной модели счастья как благополучия вполне справедливы; но ретротопия как идеализация (национального) прошлого строится на радикальном отказе от самостоятельности будущего, что вызывает неизбежный «застой» в экономике и социальных отношениях в целом. Альтернативой такой ретротопической идеализации может стать поиск в настоящем и прошлом тех «ростков будущего», которые содержат в себе потенциал построения новых социальных связей и институтов, предоставляют пространство свободы для мечтаний, не сводимых к текущим прагматическим планам. Это особенно актуально для современной молодежи, которой в обществе ретротопии оказывается не о чем мечтать и которой приходится участвовать в воспроизводстве конфликтов прошлого ради сохранения гегемонии сложившегося презентистского режима.

Литература

- Артог 2021 — *Артог Ф.* Картины мира и представления о времени / Пер. с фр. С. Зенкина // *Логос*. Т. 31. № 5. 2021. С. 59–76. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2021-5-59-74>.
- Ассман 2017 — *Ассман А.* Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / [Пер. с нем. Б. Хлебникова]. М.: Нов. лит. обозрение, 2017.
- Долгов 2023 — *Долгов А. Ю.* Травма и ностальгия в социальных сетях: осмысление советского прошлого в онлайн-сообществе «Мы из СССР» // *Память в Сети: цифровой поворот в memory studies*: Сб. ст. / Под ред. А. Ф. Павловского, А. И. Миллера. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге. 2023. С. 50–75.
- Инглхарт 2020 — *Инглхарт Р.* Культурная эволюция: Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Пер. с англ. С. Л. Лопатиной. 2-е изд., электр. М.; Челябинск: Социум, 2020.
- Ионов 2021 — *Ионов И. Н.* Коррекция темпорального режима и проблемы теории истории. Статья 3 // *Диалог со временем*. № 75. 2021. С. 20–36.
- Каспэ 2018 — *Каспэ И.* В союзе с утопией: Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М.: Нов. лит. обозрение, 2018.
- Козеллек 2016 — *Козеллек Р.* «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две социологические категории / Пер. с нем. А. Котова, О. Кильдушова // *Социология власти*. Т. 28. № 2. 2016. С. 149–173.
- Колесник, Русанов 2022 — *Колесник А. С., Русанов А. В.* Наследие-как-процесс: дискуссии о концепте культурного наследия в современных социальных и гуманитарных науках // *Вестник Пермского университета. История*. 2022. № 3 (58). С. 58–69.
- Липовецкий, Михайлова 2021 — *Липовецкий М., Михайлова Т.* Больше, чем ностальгия (поздний социализм в сериалах 2010-х годов) // *Новое литературное обозрение*. № 169. 2021. С. 127–147.
- Николаи, Маслов 2024 — *Николаи Ф. В., Маслов А. Н.* Неопределенность темпоральных границ в исследованиях исторической реконструкции // *Сибирские исторические исследования*. 2024. № 1. С. 125–138. <https://doi.org/10.17223/2312461X/43/9>.
- Олейников 2021 — *Олейников А.* Время истории // *Логос*. Т. 31. № 4. 2021. С. 5–30. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2021-4-5-27>.

- Рутген 2022 — *Рутген Э.* Искренность после коммунизма: культурная история / Пер. с англ. А. Степанова. М.: Нов. лит. обозрение, 2022.
- Скорин-Чайков 2021 — *Скорин-Чайков Н. В.* Антропология времени: очерки истории и современности // Этнографическое обозрение. 2021. № 6. С. 83–103. <https://doi.org/10.31857/S086954150017934-7>.
- Юрчак 2014 — *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение. М.: Нов. лит. обозрение, 2014.
- Boele et al. 2020 — *Post-Soviet nostalgia: Confronting the empire's legacies* / Ed. by O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe. New York; London: Routledge, 2020.
- Harrison et al. 2023 — *Critical heritage studies and the futures of Europe* / Ed. by R. Harrison, N. Dias, K. Kristiansen. London: UCL Press, 2023.
- Hill et al. 2020 — *Critical happiness studies* / Ed. by N. Hill, S. Brinkmann, A. Petersen. London; New York: Routledge, 2020.
- Kukulin 2020 — *Kukulin I.* Longing for fear and darkness: “Oppositional grassroots Stalinism” in the 1970s–1980s and its influence on legitimizing political elites in today’s Russia // *Post-Soviet nostalgia: Confronting the empire's legacies* / Ed. by O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe. New York; London: Routledge, 2020. P. 89–114.
- Ranciere 2022 — *Ranciere J.* Modern times: temporality in art and politics. New York: Verso Books, 2022.
- Smith 2021 — *Smith L.* Emotional heritage: Visitor engagement at museums and heritage sites. New York; London: Routledge, 2021.

References

- Artog [= Hartog], F. (2021). Kartiny mira i predstavleniia o vremeni [Visions of the world and representations of time]. *Logos*, 31(5), 59–76. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2021-5-59-76>. (In Russian).
- Assmann, A. (2013). *Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne*. Hanser.
- Boele, O., Noordenbos, B., & Robbe, K. (Eds.) (2020). *Post-Soviet nostalgia: Confronting the empire's legacies*. Routledge.
- Dolgov, A. Iu. (2023). Trauma i nostalgii v sotsialnykh setiakh: osmyslenie sovetского proshlogo v onlain-soobshchestve “My iz SSSR” [Trauma and nostalgia in social media: Understanding the Soviet past in the online community “We are from the USSR”]. In A. F. Pavlovsky, & A. I. Miller (Eds.). *Pamiat' v Seti: tsifrovoi povorot v memory studies* (pp. 50–75). Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).
- Harrison, R., Dias, N., & Kristiansen, K. (Eds.). *Critical heritage studies and the futures of Europe*. UCL Press.
- Hill, N., Brinkmann, S., & Petersen, A. (Eds.) (2020). *Critical happiness studies*. Routledge.
- Inglehart, R. F. (2018). *Cultural evolution: How human motivations change and how it changes the world*. Cambridge Univ. Press.
- Ionov, I. N. (2021). Korrektsiia temporal'nogo rezhima i problemy teorii istorii. Stat'ia 3 [Correction of the temporal regime and problems of the theory of history. Part 3]. *Dialog so vremenem*, 75, 20–36. (In Russian).
- Kaspe, I. (2018). *V soiuzе s utopiei: Smyslovye rubezhi pozdnesovetskoi kul'tury* [In alliance with utopia: Semantic boundaries of late Soviet culture]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).
- Kolesnik, A. S., & Rusanov, A. V. (2022). Nasledie-kak-protsess: diskussii o kontsepte kul'turnogo naslediia v sovremennykh sotsial'nykh i gumanitarnykh naukakh [Heritage-as-process: the concept of cultural heritage in contemporary social sciences and humanities]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorii*, 2022(3, no. 58), 58–69. (In Russian).

- Koselleck, R. (1995). "Erfahrungsraum" und "Erwartungshorizont" — zwei historische Kategorien. In R. Koselleck. *Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten* (pp. 349–377). Suhrkamp.
- Kukulin, I. (2020). Longing for fear and darkness: "Oppositional grassroots Stalinism" in the 1970s–1980s and its influence on legitimizing political elites in today's Russia. In O. Boele, B. Noordenbos, & K. Robbe (Eds.). *Post-Soviet nostalgia: Confronting the empire's legacies* (pp. 89–114). Routledge.
- Lipovetsky, M., & Mikhailova, T. (2021). Bol'she, chem nostal'giia (pozdni sotsializm v serialakh 2010-kh godov) [More than nostalgia: late socialism in TV series of the 2010s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 169, 127–147. (In Russian).
- Nikolai, F. V., & Maslov, A. N. (2024). Neopredelennost' temporal'nykh granits v issledovaniiah istoricheskoi rekonstruktsii [The uncertainty of temporal boundaries in reenactment studies]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2024(1), 125–138. <https://doi.org/10.17223/2312461X/43/9>. (In Russian).
- Oleynikov, A. (2021). Vremia istorii [History's time]. *Logos*, 31(4), 5–30. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2021-4-5-27>. (In Russian).
- Ranciere, J. (2022). *Modern times: temporality in art and politics*. Verso Books.
- Rutten, E. (2017). *Sincerity after communism: A cultural history*. Yale Univ. Press.
- Smith, L. (2021). *Emotional heritage: Visitor engagement at museums and heritage sites*. Routledge.
- Ssorin-Chaikov, N. V. (2021). Antropologiya vremeni: ocherki istorii i sovremennosti [The anthropology of time: history and the state of the art]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021(6), 83–103. <https://doi.org/10.31857/S086954150017934-7>. (In Russian).
- Yurchak, A. (2005). *Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation*. Princeton Univ. Press.

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Федор Владимирович Николай
доктор философских наук
профессор, кафедра теории и истории
гуманитарного знания, Российский
государственный гуманитарный
университет
Россия, 125047, Москва, Миусская пл.,
д. 6
старший научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных
исследований, Школа актуальных
гуманитарных исследований,
Институт общественных наук,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
✉ fvnik@list.ru

Feodor Vladimirovich Nikolai
Dr. Sci. (Philosophy)
Professor, Department of Theory and
History of Humanitarian Knowledge,
Russian State University
for the Humanities
Senior Researcher, Center for Studies
in History and Culture, School
for Advanced Studies in the Humanities,
Institute for Social Sciences, The Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Verнадского, 82
✉ fvnik@list.ru